

С О О Б Щ Е Н И Я

И. МУХИТДИНОВ

СТЕННЫЕ РОСПИСИ ЖИЛИЩ В СЕЛЕНИИ ЯГИД (ДАРВАЗ) И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПОВЕРЬЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ¹

О селении Ягид и его обитателях в литературе имеются очень скудные материалы. В дореволюционных работах, посвященных таджикам, упоминается лишь название кишлака Ягид, а также иногда сообщается число хозяйств и количество населения². В течение 1952—1956 гг. сектором этнографии Института истории им. Ахмеда Дониша Академии наук Таджикской ССР проводилось этнографическое изучение населения Каратегина и Дарваза. Некоторые материалы экспедиции были опубликованы. В них также имеются сведения по селению Ягид³.

Селение Ягид расположено на правом берегу р. Пяндж в 30 км к юго-западу от районного центра Калай-Хумб, ныне входящего в состав Горно-Бадахшанской Автономной области. В 1930-х гг. были расширены узкие и опасные тропы, которые вели в Ягид, а в 1956 г. к этому селению и далее была проложена автомобильная дорога.

По рассказам стариков, население Ягида — пришлое, одни прибыли из Хорасана (род Савзи-Али), другие из местности Куф в Афганистане (род Шо-Рахмата), из бывшего Даштиджумского района (с. Хазрати Имом) и из других мест. Согласно записям А. З. Розенфельд (1932 г.), жители Ягида считают себя выходцами из Ирана. По религии ягидцы

¹ Настоящая статья написана на основании материалов, собранных автором в селении Ягид (Егед) в 1958—1959 гг., а также в период двух научных командировок в 1960 и 1961 гг.

² Г. А. Арандаренко, Дарваз и Каратегин, «Военный сборник», 1883, № 11, 12; Кап. Кузнецов, Дарвоз, Новый Маргелан, 1893. Из исследований, вышедших после революции, заслуживают внимания работы: В. В. Гинзбург, Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков, «Сов. этнография», 1936, № 3, стр. 59; его же, Горные таджики, Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза, М.—Л., 1937. В книгу включены материалы, собранные автором в составе отряда, входившего в Таджикскую комплексную экспедицию АН ТаджССР в 1932 г.; к сожалению, другие материалы этого отряда, в частности собранные в кишлаке Ягид, остались неопубликованными. Сотрудница отряда А. З. Розенфельд любезно предоставила в наше распоряжение свои полевые материалы.

³ Н. Н. Ершов, Ремесла таджиков Дарваза (по материалам Гармской этнографической экспедиции 1954 г.), «Известия Отд. Обществ. наук АН ТаджССР», № 10—11, Сталинабад, 1956, стр. 3; Р. Л. Неменова, О селениях Дарваза, Там же, стр. 33; М. Р. Рахимов, Некоторые результаты работы во время Гармской этнографической экспедиции 1954 г., Там же, стр. 61; З. А. Широкова, Одежда таджиков Дарваза, Там же, стр. 111; ее же, Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, вып. 1, Сталинабад, 1956; А. К. Писарчик, Гармская этнографическая экспедиция 1954 г., «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 134.

(как и население соседних кишлаков Ширговад и Равноу) мусульмане, но часть их считает себя исмаилитами (исмонлия), а другая часть има-митами (эмомия, дувоздах, эмома — двенадцать имамов). Обе эти груп-пы — ответвления шиизма, тогда как все окружающее население — му-сульмане суннитского толка. Это способствовало значительной изоляции Ягида и сохранению в быте его населения многих своеобразных черт.

Основным занятием населения было и остается сейчас сельское хо-зяйство (земледелие, садоводство и скотоводство); раньше значитель-ную роль играли и ремесла (кузнечество, гончарство, плотничество, ткачество, шитье и вышивание). Кузнецы работали не только в своем селении, но ходили и по соседним кишлакам, где выполняли заказы дехкан.

Население Ягида отличается говором от жителей других районов Таджикистана, в том числе и близлежащих кишлаков Калаихумбского района⁴; имеются также отличия в одежде (особенно женской) и в типе жилища⁵.

Общий вид жилых домов в Ягиде напоминает памирские постройки, которые в литературе обозначаются термином «припамирское жили-ще»⁶. В то же время по некоторым своим чертам жилые постройки Яги-да примыкают к другому типу, распространенному в верховьях р. Хин-гоу (Вахио)⁷ и в Язгулеме⁸.

Одной из характерных особенностей жилых зданий в Ягиде являет-ся то, что они строились в два этажа; в первом этаже располагались помещения для соломы (*кахдон*), скота (*оғил*), а иногда и кладовые (*амбор*, *гангур*), во втором этаже помещались жилые комнаты⁹.

По своим размерам ягидские жилые постройки были меньше домов Ванча и Памира, вследствие чего иным было и внутреннее украшение дома; на этом мы остановимся ниже.

Наряду с двухэтажными постройками (в дальнейшем — первый тип) в Ягиде строились и одноэтажные (второй тип). Как нам представляется, второй тип является для Ягида более архаичным, что подтверждает-ся анализом орнамента. Приведем важнейшие различия между обоими типами: а) глинобитные нары (*дўкон*) в домах первого типа имели вы-соту от 10 до 20 см, второго типа — от 50 до 70 см, за счет углубления поверхности пола (*нах*); б) дома второго типа высокие (2,80—3 м), дома первого типа ниже (2,20—2,40 м); в) в постройках второго типа делали перекладину между двумя основными столбами в доме (*чигас*), в постройках первого типа такой перекладины не делали; г) срубы ды-мовых отверстий в крыше (*каргаспӯш*) домов второго типа значитель-но больше по размеру и состоят из 4—6 венцов толстых бревен; подоб-ные срубы в домах первого типа — меньше, из тонких бревен в четыре венца, в результате выступающая над крышей часть сруба для вытяжки

⁴ А. З. Розенфельд, Дарвазские говоры таджикского языка, «Труды Ин-та языкознания АН СССР», VI, 1956.

⁵ Р. Л. Немецова, Указ. раб., стр. 33.

⁶ И. И. Зарубин, Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан. Приложе-ние к протоколу XVI заседания Отд. историко-филологических наук АН СССР, 2 де-кабря 1925 г. (к § 278), стр. 4.

⁷ Н. А. Кисляков, Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу, сб. «Сов. этнография», II, Л., 1939, стр. 149.

⁸ Л. Ф. Моногарова, Язгулемцы, «Сов. этнография», 1949, № 3, стр. 89; е е же, Материалы по этнографии язгулемцев, «Среднеазиатский этнографический сбор-ник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XLVII, М., 1959, стр. 3; В. Л. Воронина, Жилище Ванча и Язгулема, «Архитектура республик Средней Азии», сборник статей, М., 1951, стр. 270.

⁹ Как отмечает А. З. Розенфельд, одной из главных причин возведения двухэтаж-ных построек в Ягиде было малоземельные (Полевые записи 1932 г., стр. 61).

дыма (*равзан*) в домах второго типа намного возвышается над крышей, тогда как в домах первого типа она находится вровень с крышей; д) в домах второго типа имелись особые углубления в полу для стока воды (*овшин*), помещение для телят, ягнят и козлят (*чалаи гусола*, *чалаи буца у барра*), чего не наблюдается в домах первого типа. Таковы наиболее существенные отличия построек Ягида. Второй тип домов ближе к припамирскому.

Кроме отмеченных выше особенностей, остановимся еще на тех, которые отличают ягидские постройки от ванчских и припамирских: а) крыша в жилых домах на Ванче и западном Памире поддерживается четырьмя столбами (*сутун*), в Ягиде же в домах второго типа ставится лишь три столба; б) проход между глинобитными нарами в домах Памира имеет прямоугольную форму, в Ягиде — Г-образную. Напомним также, что в Ягиде нет открытых террас (как в соседних кишлаках): с улицы сначала попадают в летнюю комнату (*хонаи тобистонӣ, пекам*), затем уже проходят в зимнее помещение (*хонаи зимистони*).

Начиная с 1940-х гг., двухэтажные дома строятся небольших размеров, обычно для одной семьи. Вместо отверстий для дыма в потолке (*равзан*), углубления в полу для углей (*чалак*) или дедовских очагов, вмазанных в стены (*дегдон*), теперь повсеместно делают печи. Дома имеют большие застекленные окна, глинобитные пары (*дӯкон*) в них отсутствуют. Следует сказать, что постройки современного типа получили в Ягиде гораздо большее распространение, чем в соседних селениях¹⁰.

* * *

Украшение дома как до революции, так и в настоящее время играет в Ягиде очень большую роль. Стены летнего помещения дома (*пекам, пештоқ*) орнаментированы. Этот обычай восходит, по словам стариков, к глубокой древности. Орнаменты очень разнообразны и наносятся тремя способами: а) налепом из глины; б) рисунком на стенах различными видами местных красок; в) нашлапыванием комков слегка увлажненной белой глины — *арза*.

Орнамент налепом наносился при постройке дома и в дальнейшем подкрашивался. Эти украшения возобновлялись после побелки дома весной в марте к новому году (*соли нав*) — *навруз* — весеннему равноденствию, а также к осеннему равноденствию — *наврузи тирамоҳ*, при подготовке помещения к зиме.

Нашлапывание комков белой глины производилось только весной поверх уже возобновленных узоров¹¹.

Кроме Ягида, нами отмечены цветные росписи также в селении Вышхарви (10 км ниже Ягида по Пянджу), в колхозе им. Юлиуса Фучика. Зеленой, красной и синей красками здесь на стенах домов изображены гранатовые и тутовые деревья, а также узоры, обычно вышиваемые на концах рукавов женских платьев, — голуби, горные козлы, лошади с всадниками¹², чайники и пиалы.

¹⁰ По этому поводу А. З. Розенфельд отмечает: «Это очень чистое культурное селение, с двухэтажными постройками, выбеленными внутри и снаружи» (Полевые записи 1932 г., стр. 61).

¹¹ Если в доме был траур по умершему, длящийся год, роспись в доме не производилась, как и в тех случаях, когда новый год приходился на первые десять дней месяца мухаррама (траурные дни у шиитов).

¹² Орнамент на стенах встречается и в других кишлаках; в Калаи-Хусейне (колхоз Сагирдашт) у переселенцев из Равноу, в кишлаках Ширговад, Шкев. Эти узоры выполнены женщинами из Ягида.

Почти все исследователи жилищ и быта горных таджиков приводят и материалы по изобразительному искусству, описывая настенные или наскальные росписи и изображения¹³. Больше всего внимания заслуживают работы Н. А. Кислякова¹⁴ и С. В. Иванова¹⁵.

Рисунки на стенах жилых домов выполняют женщины, а наскальные изображения животных (например, по дороге в кишлак Пушогед) делают мужчины. Для нанесения орнамента на стенах домов обычно не используются ни шаблон, ни образцы.

Материалом для первого из упомянутых трех способов нанесения орнамента служит обычная глина. Из нее делают длинный жгут толщиной в палец и налепливают на наружной стене дома вокруг двери, стеновых ниш (*тоқ*) и небольшого осветительного отверстия с дверцей (*дарбача*) в верхней части стены, направо от двери.

Орнамент налепом делается также в верхней части панели (*мехроб*)¹⁶, идущей вокруг всего помещения, на глиняных ящиках для муки и зерна (*хамба*), а в наше время также на печах и вокруг окон.

Когда нанесенный в виде жгута узор подсохнет, его подправляют при помощи небольшой палочки, выструганной наподобие ножа, затем сглаживают тряпкой, смоченной в жидко разведенной глине. После этого налепной узор покрывают краской коричневого, зеленого или синего, иногда черного цвета и для блеска смазывают разболтанным яйцом.

Остановимся вкратце на способах приготовления местных красок. Красную краску готовят из красной железистой глины, добываемой в окрестностях Ягида. Глину кладут в огонь, после чего красный цвет становится значительно интенсивней, затем ее растворяют в воде¹⁷. Зеленую краску добывают из различных растений, в том числе и из стебля и цветов мальвы (*фармаш*). Свежее растение толкут в деревянной ступке, затем отжимают сок и употребляют его как краску. Черную краску готовят из толченого угля и саж, смешанных с соком мальвы, пропуская через кисею или марлю¹⁸.

Орнамент рисунком наносится теми же красками, а также белой глиной (*арза*) просто пальцем (см. рис. 4, б). Если после побелки стен орнамент, выполненный белой глиной, сливается со стеной, то специально разводят в очаге огонь, чтобы стены немного закоптились, тогда рисунки становятся более отчетливыми. Для орнамента нашлапыва-

¹³ А. А. Семенов, Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903, стр. 36; А. А. Бобринской, Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишканимцы), М., 1908, стр. 74—75; И. И. Зарубин, Материалы и заметки по этнографии горных таджиков, Долина Бартанга, Пг., 1917, стр. 123—124; М. С. Андреев, Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, Ташкент, 1928, стр. 7—10; его же, Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958, стр. 475—479; В. В. Гинзбург, Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков, стр. 66; Л. Ф. Моногорова, Язгулемцы Западного Памира, стр. 99; ее же, Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 47; В. Л. Воронина, Указ. раб., стр. 270.

¹⁴ Н. А. Кисляков, Бурх — горный козел, «Сов. этнография», 1934, № 1—2, стр. 181; его же, Охота таджиков в быту и фольклоре, «Сов. этнография», 1937, № 4, стр. 104.

¹⁵ С. В. Иванов, К вопросу об изучении стеновых росписей горных таджиков, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», II, 1947, стр. 80—83.

¹⁶ Обычно в Средней Азии словом *мехроб* обозначается ниша в мечети, перед которой стоит имам во время молитвы.

¹⁷ Эту красную краску (*зук*) используют также женщины-гончары для обмазки сосудов; она отличается от той, которую употребляют для окраски тканей. Однако и эту последнюю иногда используют для раскраски орнамента на стенах.

¹⁸ Цвета делились на обладающие хорошими, добрыми свойствами и обладающие плохими свойствами; к последним относились желтая, синяя и черная краски. Однако в настоящее время все это забыто и повсеместно можно встретить рисунки, раскрашенные в любые цвета.

нием белую глину размельчают в порошок, просеивают сквозь кисею или марлю и ставят в чашке на некоторое время во влажном месте, так как влажная глина прочнее держится на стене. После того как нанесены рисунки красками, на свободные места стен наносят орнамент белой глиной. Набирают влажную глину в горсть и с силой бросают на стену, отчего получаются небольшие выпуклые нащепки — *куббача*. В результате дореволюционные дома в Ягиде во время навруза превращались как бы в «выставку» узоров, различных по виду, содержанию и значению. Спустя три-четыре недели стены чернели от дыма и копоти и орнамент, за исключением наклепного, становился почти незаметным.

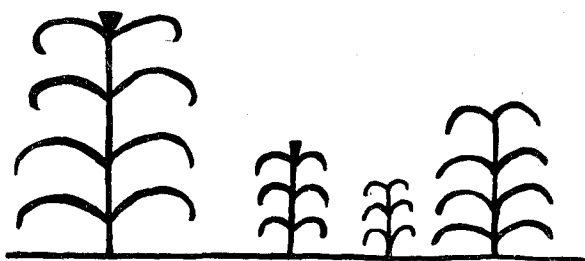

Рис. 1. Изображение людей в виде растений

Теперь этот наклепной орнамент считается только украшением и, хотя отдельные его элементы имеют определенные названия, особого значения за ним не признается. В прошлом же рисунки, выполнявшиеся в связи с новым годом, имели определенный магический смысл¹⁹. Подавляющая часть этих рисунков изображала предметы домашнего обихода, домашних и диких животных, деревья и другие растения. Некоторые рисунки были связаны с исмаилитскими «святыми». Как известно, у суннитов запрещается изображение людей и вообще живых существ. Возможно, поэтому ягидцы, жившие в суннитском окружении, рисовали людей в виде растений — *кадбача* (росток); наиболее крупные из них изображали мужа, поменьше — жену, а кустики, символизовавшие детей, делались совсем маленькими²⁰ (рис. 1). В виде дерева рисовали также странников (*мусофир*), для чего рядом с таким рисунком проводили вертикальную линию, изображавшую «посох странника»; рисунки, символизовавшие странников, делались на внутренней поверхности стены рядом с входной дверью (*девори паси дари баромад*), что должно было означать — место странника возле двери. Иногда эти рисунки у двери объясняли как изображение отсутствующего мужа, брата или кого-либо из других близких родственников, которые до революции на долгие месяцы, а иногда и годы уходили на заработки (*мардикорй*) в Гисар и Ферганскую долину. Таких отходников считали странниками (*мусофир*), и эти рисунки (*кадбача*) служили как бы напоминанием о них в родном доме²¹. Человеческое лицо изображалось в виде кукол (*лухкак*) (рис. 2, б).

На стенах среди рисунков *кадбача* изображали также след детской ступни (*пай пои кўдак*), что должно было магически способствовать многодетности. Изображение раскрытой пятерни объяснялось как сим-

¹⁹ С. В. Иванов, Указ. раб., стр. 83.

²⁰ «*Кадбача*», символизовавшие главу семьи и ее членов, рисовались на панели стены гликобитных нар, поблизости от почетной части нар (*сартакья*).

²¹ Сведения, полученные в Ягиде от Галиматшоевой Рабиамо и Гайратовой Катахон.

вол пяти особо почитаемых исмаилитами «святых» — Мухаммеда, Али, Фатимы, Хасана и Хусейна. Такое изображение на стене дома считалось богоугодным делом (*кори савоб*)²². На скалах и на стенах домов изображают лошадей, которые в представлении местного населения связаны с лошастью Али — Дульдуй. В Дарвазе распространено множество легенд, связанных с именем и «подвигами» Али и обращением неверных (*кофир*) в мусульманство. Нередко считают небольшие вымытые водой углубления в камнях следом копыта коня Али (например, вблизи кишлака Сангеви дароз и в др. местах); показывают также расселины в горах — как якобы место, куда попала стрела Али.

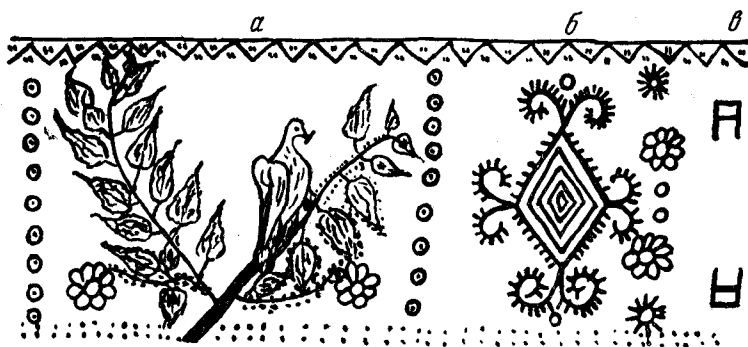

Рис. 2. Настенные изображения: а — тутовник с сидящим на нем голубем; б — кукла (*лукхак*); в — след кошки

Излюбленным было также изображение козла (*кушкор*, *кушкорак*), вообще очень распространенное в горном Таджикистане. На стене рисуют только рога, которые магически должны способствовать увеличению стада²³. У древних иранцев считался священным животным баран, что, как известно, нашло отражение в Авесте; возможно, что эти представления в смутной уже форме сохранились до наших дней. Выше селения Ягид по ущелью Пушогед на скалах и камнях выбито множество рисунков горных козлов. Несомненно, что изображение горных козлов в древности было тесно связано с охотой²⁴. Охота на горных козлов в Таджикистане сохранилась до настоящего времени. Этих животных также считали священными, рога их приносили в виде даров (*назр*) на мазары, что, по поверью, должно было способствовать удаче в охоте. По другим представлениям, горные козлы являются стадом дивов и пери²⁵.

Заслуживает внимания изображение цветка «петушинный гребешок» (*гули хули хурис*). Этот цветок не только рисуют на стенах, но раньше также вышивали на свадебных лицевых занавесках²⁶. Магические представления, связанные с петухом, очень распространенные в древности,

²² Ср. А. А. Бобринской, Указ. раб., стр. 74—75, 108 (рис. 1—3).

²³ С. В. Иванов, Указ. раб., стр. 82—83.

²⁴ Н. А. Кисляков, Бурх — горный козел, стр. 115—117. В последние годы появилось много публикаций о наскальных изображениях в Таджикистане. См., например, сводку в статье А. З. Розенфельд, О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов, «Сов. этнография», 1959, № 4, стр. 55, прим. 24 на стр. 61.

²⁵ А. А. Семенов, Этнографические очерки..., стр. 70—78.

²⁶ А. А. Бобринский, Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара), М., 1909, табл. I—VIII; М. С. Андреев, Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, стр. 16; Н. А. Кисляков, Свадебные лицевые занавески горных таджиков, «Сборник МАЭ», XV, М.—Л., 1953, стр. 313—315.

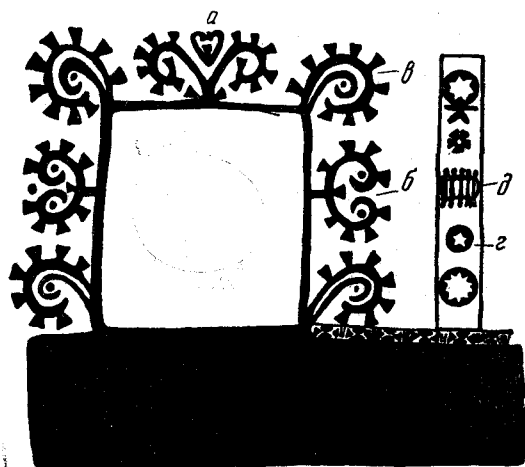

Рис. 3. Названия настенных орнаментов: *а* — товус (павлин); *б* — гура (почка животного); *в* — кушкор (рога барана); *г* — ситора (звезда); *д* — парад (строй солдат)

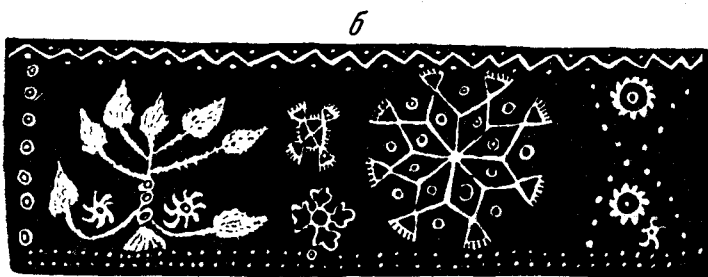
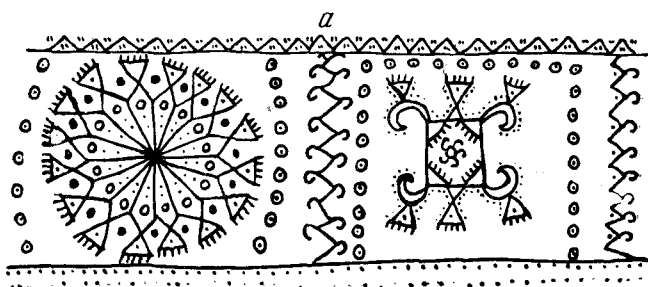

Рис. 4. *а* — орнамент вышивки на женских нагрудниках; *б* — настенные рисунки, нанесенные пальцем

сейчас почти совсем исчезли. Но все же зимой 1958/59 г., будучи в Ягиде, нам пришлось наблюдать, как в кишлаке Хованд в Афганистане (левый берег Пянджа) ночью произошел снежный обвал, под которым оказались погребенными несколько домов. На упавшую лавину выпустили петуха, который, по поверью, должен был кричать там, где лежали погребенные под обвалом люди. Аналогичные случаи в прошлом были известны и в Дарвазе²⁷.

²⁷ О верованиях, связанных с петухом, см. Н. А. Кисляков Свадебные лицезы занавески горных таджиков, стр. 313.

Изображение на рисунках тутового дерева (*дарахти тут*), хлопка (*пахта*) и других растений, по местным представлениям, должно способствовать увеличению урожая. С другой стороны, шелковицу и хлопок считали священными, «райскими» (*ганчи биуишт*), нанесение их изображений на стенах должно было принести счастье²⁸ (рис. 2, а).

Рисунки кувшинов, ложек (*қошук*), дуршлагов (*кафлес*), мер для муки или зерна (*болоғдун*) и других предметов домашнего обихода (в наше время и чайников) наносили на стене на новый год; они должны были символизировать такое же изобилие в течение всего года, какое обычно бывает в доме в новогодний праздник. В одном месте среди рисунков встретилось изображение улицы (*кўча*) в виде двух параллельных линий.

Отдельные детали орнаментов носят различные названия: пятно, точка (*хол*), клинышек (*таркй, пора*), клевер, трилистник (*себарга*), локон (*кажак*), улица, (*равак, кўча*), павлин (*гули товус*) (рис. 3, а), паутина (*гули чилак*), копытце (*гули сумбак*), талисман (*туморча*), искра (*гули алов*), роза (*гули садбарг*), крыло ястреба (*тафи илқоб*). Все эти элементы орнамента обычно наносились попеременно с кучкор — изображением рогов горного козла (рис. 3, в). Некоторые рисунки делались отдельно, например, почка животного (*гули гурда, гули гура*) (рис. 3, б), клюв (*гули ниқор*) (рис. 4, б), след кошки (*паи пишакак*) (рис. 2, в). Несомненно, что все эти рисунки тоже некогда имели магическое значение, но сейчас эта их функция полностью утрачена. Как нам представляется, упомянутые рисунки, как и другие (вышивка на концах рукавов женских платьев — *гули сари остин*, нагрудники — *пешовез, гули пеш* (рис. 4, а), *гули тоқак* — цветок, *ҳавдак* — пруд), теперь служат лишь в качестве украшения.

Магическое толкование орнамента в настоящее время помнят лишь глубокие старики. Молодежь и люди средних лет не в состоянии дать им сколько-нибудь удовлетворительное объяснение, кроме того, что все это делается «для красоты».

В заключение отметим, что за последние годы получили распространение некоторые рисунки и с новым значением: пятиконечная звезда (*ситораи панчгўша*, рис. 3, г), символическое изображение строя солдат Советской Армии (рис. 3, д), школьная парта (*партаи мактаб*), голубь мира (*кабутари сулх*) (рис. 2, а) и другие.

²⁸ С. В. Иванов, Указ. раб., стр. 83.